

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНДИГЕННЫХ НАРОДОВ

Ильбейкина М.И.

ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия (660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а), circ-circ@mail.ru

В статье рассматривается развитие визуальной антропологии как отдельной области гуманитарного знания, обозначаются основные линии ее развития в контексте изучения визуальных систем индигенных народов, т.е. такой этнокультурной группы, чье развитие не обозначается в законченном качестве, а продолжается в процессе взаимодействия с мультикультурным сообществом. Доказывается, что визуальная антропология обладает большим потенциалом для исследования коренных народов, включая коренные народы Севера и Сибири. Предлагаются принципы и подходы визуально-антропологических исследований коренных малочисленных народов Красноярского края. Визуальная антропология рассматривается как концептуальная основа для современных музейных практик.

Ключевые слова: визуальная антропология, индигенные народы, визуальная социология, визуальные системы, современные музейные практики.

SPECIFICS OF VISUAL ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF INDIGENOUS PEOPLES

Ильбейкина М.И.

FSAI HPE Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia (660041, 82a Svobodny Prospect, Krasnoyarsk), circ-circ@mail.ru

The article discusses the development of visual anthropology as a separate field of humanities designated main lines of its development in the context of studying visual systems of indigenous peoples, ie such ethno-cultural group, whose development is not indicated in the finished quality, and continues the process of interaction with the multicultural community. It is proved that visual anthropology has great potential for the study of indigenous peoples, including indigenous peoples of the North and Siberia. Proposes principles and approaches visual anthropological studies of Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Region. Visual anthropology is seen as a conceptual framework for modern museum practice.

Keywords: visual anthropology, indigenous peoples, visual sociology, visual systems, modern museum practices

Визуальная антропология – это метод описания и анализа явлений культуры, опирающийся на фотографию, видео и аудиозапись. Визуальная антропология работает не только с культурной, но и социальной проблематикой. Возникшая в рамках культурной антропологии и получившая активное развитие на Западе с 60-х годов XX века, в России – с 90-х годов XX века, визуальная антропология активно используется как инструмент прикладного исследования т.н. «малоизвестных сторон культуры» [1]. Сегодня под исследованием «малоизученных сторон культуры» подразумевается максимально точное, достоверное представление повседневности теперь уже не только представителей этнических сообществ, но и представителей региональных, возрастных, творческих, конфессиональных, профессиональных, маргинальных и прочих сообществ.

Визуальная антропология востребована сегодня в различных областях гуманитарного знания, в том числе в исследованиях городского пространства, в культурных исследованиях, в художественном познании, в экономических и социальных науках [2; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12]. Особое значение визуальная антропология приобретает для исследования социального и

культурного пространства коренных народов во всем мире и, разумеется, коренных народов Севера. Визуальная антропология становится средством погружения внутрь исследуемой культуры и инструментом исследования ее репрезентации в визуальных системах: уже в первой половине XX в. тенденция к диалогости визуально-антропологической коммуникации была поддержана М. Мид и Г. Бейтсоном, Р. Бердвистелом, К. Левином, Э. Холлом. Обращаясь к опыту исследования практик визуальной антропологии в отношении индигенных народов, нельзя не упомянуть А. Баликси, осуществляющего сравнительный анализ видеосъемок, ведущихся представителями коренных народов в разных странах; В.М. Магидова, выступающего в качестве историка-аналитика отечественных проектов; А.В. Головнева, акцентирующего в «антропологическом кино» и момент опосредованного выявления идентичности определенной культуры, и момент самоидентификации человека как социального типа; немаловажно отметить коллективную монографию «Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций» [8]: монография содержит обширный материал по методологии исследований культуры, в том числе содержит и работу с визуальностью (изобразительное, декоративно-прикладное искусство, соотношение вербальных и визуальных концептов).

В этой же монографии представлено рабочее для данной статьи определение «индигенные народы», которое звучит следующим образом: «индигенные народы» –... народы, которые «всегда были здесь», их корни уходят далеко в прошлое, и нет свидетельств ни о каких живших ранее здесь народах, чьи потомки все еще присутствуют в популяции. Основная особенность индигенных народов – их длительное проживание на территориях, которые принудительно включались в состав большого национального государства» [8, С.14]. В приведенном определении четко обозначено, что специфика термина «индигенный» заключается в том, что он имеет научный статус (в отличие от «коренных народов»), культурно-антропологическое значение, он отражает не застывшее состояние этнокультурной группы, а процесс взаимодействия этнокультурной группы и т.н. «Большого (плюралистического) общества».

Этот подход важен нам прежде всего тем, что, в отличие от существующих иных определений, здесь акцент делается на факте взаимодействия мультикультурного сообщества и локальной культуры. Отсюда, предметом интереса данной статьи станут проекты, не замыкающиеся исключительно на работе с народами, проживавшими в Сибири до прихода русских, но проекты, работающие с феноменом аутентичности сообщества в целом. Рассматриваться будут проекты, предполагающие наличие визуальной составляющей не в качестве иллюстрации к основному материалу, но понимающие визуальность как иной, принципиально отличный от вербального, язык коммуникации (теоретические наработки в

этом ключе принадлежат, в частности, М. Маклюэну и Д. МакДугаллу, В. Беньямину и Р. Барту). Визуальная антропология – это современная междисциплинарная область знания, возникшая на фундаменте социально-философских и культурно-антропологических исследований и синтезирующая визуальное искусство, социальное познание и информационные технологии [2]. В данной статье мы будем понимать под визуальной антропологией некий системный метод исследования визуальности разных культур.

В задачи визуальной антропологии изначально входит: а) сохранение образов малоизвестных и исчезающих культур, б) выявление их своеобразия и общечеловеческой сущности, в) осуществление диалога между представителями разобщенных миров (диалог уровня «Я» – «Другой»).

Изначально опыт обращения к визуальным материалам использовался в антропологии в качестве иллюстраций к накопленной информации, где на первый план выдвигался принцип зрелищности, экзотичности «другой» культуры (фотоисследование А. Хэддона в 1898 г., фотографическая фиксация Э.Ш. Кёртиса, видеозапись австралийских аборигенов У.Б. Спенсера в 1901 г.) – европоцентризм провоцировал понимание культуры неизвестного сообщества как «дикой» и «нецивилизованной». Следующим этапом становится привлечение визуального материала как итога полевых исследований, где принципом становится неинтерпретируемое в процессе фиксации накопление полученного материала (он может быть даже далеко не всегда понятным исследователю). Сюда относятся исследовательские опыты работы с представителями первобытных и коренных культур Э.Б. Тайлора, Л.Г. Моргана, Ш. Летурно.

В 1922 году происходит «тихая революция» в визуальной антропологии: американский режиссер и кинодокументалист Роберт Флаэрти создает фильм «Нанук с Севера», который закладывает следующие приемы и принципы в фильмы о культуре «другого»: принцип уважения к герою, осознание и представление достоинств неизученной культуры, что в сравнении с культурой привычной создает новые пласты самоанализа «западного человека». Камера из инструмента фиксации становится «посредником», позволяя перейти к сотворчеству режиссера и героя фильма. Конечно, в полной мере фильм Флаэрти не может быть назван строго визуально-антропологическим, в нем еще сохраняются черты художественного фильма, однако именно благодаря «Нануку с Севера» кино становится инструментом исследования. В 1936–42 гг. М. Мид и Дж. Бейтсон используют фотографию как средство анализа коммуникации в повседневной жизни на острове Бали. Маргаретт Мид закладывает традицию аналитического этнографического кино, где поведение человека изучается на фоне конкретной исторической обстановки, с учетом повседневной среды, с учетом всех сопроводительных факторов (музыка, обряды, экология, и т.д.), т.е. без

привнесения какой-либо художественности. Антропология Мид ставит перед собой задачу отказаться от вербальности как единственного способа донесения информации, и она совместно с Г. Бейтсоном создает фильм, где используются все приемы для большей достоверности реконструируемого в реальном времени обряда, визуализирующего коллективное знание обряда инициации, что позволяет отказываться от сценария («Транс и танец на Бали») и продолжать заложенную Р. Флаэрти традицию «слегка намеченного сюжета». Визуальное представление изученного материала становится обязательной составляющей анализа культуры.

В российской этнографии объектом культурной антропологии являются крестьянские общества, а также представители разных национальностей, населявших как Российскую Империю, так и СССР (в равной степени здесь сосуществуют «Коллекция достопримечательностей Российской империи» С.Н. Прокудина-Горского и «Географический киноатлас» («Киноатлас СССР») Д.И. Щербакова, и «Шестая часть мира» Д. Вертова). Задача создаваемого продукта – отображение наиболее важного, характерного, типического, отражающего образ края и действительную картину жизни населяющих его людей. С другой стороны, российские этнографические фильмы 1900–1950-х гг. представляли быт коренных народов с позиции отсталости последних; архаический быт представлялся с четко выраженных идеологических позиций. Начиная с тридцатых годов XX века представители культурной антропологии перешли от изучения примитивных и крестьянских обществ к исследованию современных индустриальных обществ (работы Д. Вертова, Я. Блюха и т.д.).

В первой половине XX века специфика визуально-антропологической практики заключалась в том, что создаваемые материалы представляли индигенные народы как особое, иное сообщество, чья исключительность определяет их особый взгляд на мир. Разработан принцип «наблюденческого» кино, т.е. попытки глубокого проникновения в иную культуру и сочувственного к ней отношения. К концу первой половины XX века акцент с исследования «другого» в пределах одного государства смещается в сторону изучения «другого» внутри города и внутри горожанина. В середине XX века в визуальной антропологии происходит поворот – теперь она не просто представляет культуру «другого», она вводит в контекст происходящего и провоцирует выйти на уровень исследователя самого зрителя. «Новая волна» в кинематографе вводит новые принципы, дав возможность снимать реальные события в живом диалоге снимающего и снимаемого. Границы между исследователем и исследуемым стираются – ставший популярным жанр документального интервью позволил синхронизировать происходящее на экране и происходящее во внутреннем мире человека. В середине 80-х источниками для визуально-антропологических

исследований становятся все свидетельства фиксации культуры в аудиовизуальном образе: это не только граммофонные записи, но и архитектура, культовые сооружения, наскальная живопись и т.д. Антрополог Джей Руби [14] в основе смысла существования визуальной антропологии видит идею о том, что культура напрямую может проявляться через наблюдаемые формы своего существования, в частности, через символы, заложенные в особых видах деятельности человека (танцы, ритуалы, формирование системы жестов и т.п.). Источник информации о культуре исследуемого предмета может рассказать и об исследователе (Руби отмечает, что «фотографии [...] говорят нам нечто как об изображенной культуре, так и о культуре людей, создающих изображения») [14].

Еще одно открытие визуальной антропологии 2/2 XX века – возможность анализа материального воплощения визуальной культуры изучаемого сообщества: это направление получает название совместной (контактной) антропологии и «биодокументального» кино. К таким проектам относятся «Глазами навахо» С. Уорта и Дж. Адэйра, «Сибирь глазами сибиряков» А.Баликси. Образ, обладающий большей широтой, нежели понятие, вскрывает значение роли визуального восприятия в жизни определенных сообществ – то есть внутри той культуры, которой он был порожден и внутри которой он функционирует. Такой подход позволяет также пересмотреть позицию европоцентризма: возникает ситуация переворота: взгляд на повседневность неизвестного «другого» происходит в режиме самопрезентации, самостоятельного отбора того, что важно; отбор таких знаковых событий и точек осуществляется не режиссером совместно с представителем иной культуры, а именно аутентично. Полученные результаты не являются «объективными визуальными документами» или «фотографической истиной», это – представление точки зрения.

На сегодняшний день наиболее действенными форматами презентации визуально-антропологических проектов, связанных с изучением индигенных народов, могут быть цифровая интерактивная этнография, соединение этнографии, культурной антропологии и искусства, урбанистические антропологические проекты (отдельного внимания заслуживает проект «Чукотская арктика» в Анадыре), а также выставочные и музейные проекты.

Визуальная антропология оперирует визуальными образами. Образ задает специфику социальных коммуникаций, которая обусловлена особыми качествами пространства, где данные коммуникации осуществляются (в этом контексте рассматривается социальное пространство музея). Главное назначение социального пространства музея – организация специальных культурных практик, продуцирующих понимание о том, что ценности, которые он собирает и хранит, живут и действуют в настоящее время. Музей выступает «аккумулятором» как материальных (вещей-ценностей, музейных услуг), так и нематериальных, символических благ (образов, ценностей, мифов, символов). Данные

материальные и нематериальные блага составляют содержание социальных ценностей [2]. Одной из музейных практик являются исторические реконструкции и историческое моделирование, предполагающие познание прошлого через моделирование его в настоящем: показателен в этом плане формат этнодеревень («Палеодеревня», Приморский край). Другой действенный подход – соединение музейности, локальной культурологической специфики и языка современного искусства (музейные проекты Красноярской музейной биеннале).

В целом на сегодняшний день наиболее продуктивными представляются проекты, для которых характерны синкретичность, слитность визуальной антропологии и иных способов исследования человеческой природы. Медиасредства (видео и электронные средства) все более часто используются в этнографии: и в качестве культурных текстов, и как средства репрезентации этнографического знания, и как контексты культурного производства, социального взаимодействия и индивидуального опыта, которые сами по себе представляют сферы этнографической полевой работы. Визуальные образы и технологии сегодня формируют области, методы и медиа этнографических исследований и репрезентации. Образы не обязательно должны заменять слова в качестве доминантного способа исследования или репрезентации, скорее их следует рассматривать как равноценно значимый элемент этнографического мира. Визуальные образы должны и могут включаться в исследование тогда, когда они необходимы и способствуют прояснению исследуемой темы. Образам не обязательно быть ведущим исследовательским приемом, но благодаря их связи с другими чувственными, материальными и дискурсивными элементами исследования могут проявиться совершенно новые, ранее игнорируемые аспекты. Перспективной представляется область, обращающаяся к изучению того, какую роль визуальные феномены выполняют в жизни того или иного сообщества, каждой «малоизвестной стороны культуры», причем не только с позиции представления визуальных образов, но и с позиции изучения специфики выбора самого приема визуализации. Представляется, что в антропологических практиках на первое место выдвигается социально-культурное конструирование визуальных образов, формирующих социальное время и социальное пространство.

Изначально визуальная антропология ориентировалась на тему встречи традиционных сообществ и современного мира, цивилизационных столкновений. На сегодняшний день можно говорить о том, что «индигенность как цель» переходит в формат «индигенность как средство»: культура «другого» исследуется изнутри, глазами самого носителя этой культуры. Иными словами, речь идет о переводе взаимодействия «отдельная культурная группа – индустриальное общество» во взаимодействие «конкретная группа – носитель иного видения – поликультурное общество».

Список литературы

1. Александров Е.В. Визуальная антропология – путешествие на «машине времени» по чужим мирам / Е.В. Александров. – Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/aleksandrov_visual_antropology.pdf
2. Замаараева Ю.С. Историографический обзор подходов и концепций по проблеме миграции в зарубежных и российских исследованиях XX века // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2010 3) 437-444.
3. Ильбейкина М.И. Роль визуальной антропологии в социальном конструировании ценностей: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Ильбейкина Мария Игоревна; [Место защиты: Сибирском федеральном университете]. – Красноярск, 2013. – 22 с. Режим доступа: http://www.google.com/url?q=http://research.sfu-kras.ru/node/9459&sa=U&ei=qLRjU7nIJ6ml0QWO1oHICg&ved=0CB4QFjAA&sig2=Ea7HKEQZRx_oOcmNavMwmA&usq=AFQjCNEhEwAIGNEB2uGX5taY7K714KSktQ
4. Кирко В.И., Фаткулина-Яськова Л.М., Захарюта В.В. Оценка состояния объектов поселений Эвенкии и Таймыра // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 9 (2012 5) 1287-1290.
5. Копцева Н.П. Некоторые стратегии строительства современного российского государства в контексте "национального вопроса" // NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 4. – С.1-14. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.4.11458. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_11458.html
6. Копцева Н.П., Кирко В.И. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; URL: www.science-education.ru/117-12726 (дата обращения: 08.06.2014).
7. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций. Копцева Н.П., Амосов А.Е., Бахова Н.А., Бокова В.И., Булак К.А., Задорожная А.В., Заложнева М.С., Замаараева Ю.С., Ильбейкина М.И., Кеуш А.В., Кивкуцан Е.В., Кирко В.И., Кистова А.В., Кривоногов В.П., Лобакова Н.М., Лузан В.С., Махонина А.А., Медянцева Н.В., Ноздренко Е.А., Пименова Н.Н., Сертакова Е.А., Резникова К.В. и др. На материале Красноярского края / КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности», Сибирский федеральный университет, Российское научно-образовательное культурологическое общество (Красноярский филиал). Красноярск, 2012. Т. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края.

8. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций: монография / Н.П. Копцева, Е.А. Сертакова, М.И. Ильбейкина, Ю.С. Замараева, Н.М. Лобакова, В.С. Лузан и др. // под общ. ред. Н.П. Копцевой. – Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций: коллективная монография / отв. редактор Н.П. Копцева. – СПб.: Эйдос, 2011. – 174 с.
9. Лобакова Н.М., Сертакова Е.А. Методология прикладных этнологических исследований северных территорий России: преимущества экспертного интервью // NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 3. – С.67-86. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.3.11268. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_11268.html
10. Лузан В.С. Механизмы взаимодействия государства, бизнеса с коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций // NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 3. – С.50-66. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.3.11297. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_11297.html
11. Пименова Н.Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // NB: Культуры и искусства. – 2014. – № 2. – С.28-66. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.2.11269. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_11269.html
12. Разумовская В.А. «Сильные» тексты русской культуры и центры переводческой аттракции // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2014 7) 834-846.
13. Ситникова А.А. Концепт «север» в творчестве Рокуэлла Кента // NB: Культуры и искусства. – 2014. – № 2. – С.1-27. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.2.11550. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_11550.html
14. Ruby, Jay Visual Anthropology. Режим доступа: <http://astro.temple.edu/~ruby/ruby/cultanthro.html>

Рецензенты:

Копцева Н.П., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Кирко В.И., д.ф.-м.н., профессор, заместитель проректора по развитию Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, г. Красноярск.